Проводник

Автор:
Александр Варго

Проводник

Александр Варго

Самый ожидаемый российский кинотриллер 2018 года с Александрой Бортич в главной роли. Этот одноименный роман, созданный по его мотивам, погружает в призрачный мир парапсихологии, где реальное и воображаемое соединены в некую силу, помогающую и людям, и душам. В книге множество дополнительных сюжетных ходов и тонкого литературного психологизма, позволяющего еще глубже проникнуть в сложный внутренний мир героев.

Катя обладает мистическим даром: она видит призраков. Когда вдруг пропадает ее сестра-близнец, девушка в одиночку бросается на поиски. В полиции настаивают, что сестры вообще не существует, что она – плод Катиного больного воображения. Однако в процессе поисков сестры Катя понимает, что в городе орудует серийный маньяк и сестра – одна из его жертв. Еще есть надежда спасти ее, но в мрачном, полном тайн городе нельзя доверять никому, даже самой себе…

Александр Варго

Проводник

© Варго А., 2018

© Анна Курбатова, сценарий кинофильма

© ЗАО «Мотор фильм студия», кинофильм, сценарий

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Мертвые могут с нами говорить, среди живых мелькают духи, движутся, объединяются и смеются над нами. Они-то и составляют воздух, которым мы дышим…

Элис Сиболд, «Милые кости

«Мы близнецы, мы все делим пополам. То, что его – мое, а то, что мое – тоже мое…»

Фильм «Двадцатый век» (Novecento)

Набухшее от влаги промозгло-сонное небо нависло над темнеющим лесом так низко, что, казалось, верхушки старых елей вот-вот проткнут сизую поверхность небесного покрывала, превратив его в громадное решето.

Где-то далеко на востоке громыхнули первые раскаты грома, и, словно по команде, заморосил мелкий дождь, усиливаясь с каждой секундой.

Пробирающаяся сквозь заросли крошечная девочка, одетая лишь в легкое голубое платьице, машинально смахнула с лица прохладные капли. Дыхание с шумом вырывалось изо рта вместе с облачками пара – к вечеру значительно похолодало.

Жесткие ветки норовили хлестнуть побольнее, и она инстинктивно жмурилась, страшась остаться без глаз. В какой-то момент девочку даже посетила безумная мысль, что это не ветки вовсе.

«Паучьи лапы», – шевельнулось в мозгу, и по спине ребенка пробежал ледяной озноб. В эту же секунду ее нога зацепилась о выступающий из земли корень, и она упала, вскрикнув от боли. Подтянула ногу, осмотрела ссадину на

перепачканной коленке. Первые раскаты грома заставили ее завороженно разглядывать стремительно темнеющее небо. Буквально через мгновение оно стало аспидно-черным. Непрерывно двигающееся и изменяющееся, небо было похоже на угольную бездну, безжалостно пожирающую все на своем пути. Эта чернота над головой, изрыгающая потоки ледяного ливня, высоченные кроны деревьев, качающихся под порывами яростного ветра, «паучьи» ветки-лапы, будто специально намеревающиеся иссечь ей лицо и руки в кровь, узловатые, змееподобные корни, сплошь и рядом торчащие из стылой земли, – все это словно угрожающе шипело:

«Не пущу!»

Лес не хотел пускать ее дальше.

Пускать, чтобы она стала свидетельницей…

Ослепляющая молния кинжалом рассекла небо надвое. Девочка вздрогнула. Поднявшись на ноги, она, превозмогая пульсирующую боль в ушибленном колене, упрямо захромала дальше.

Туда, где среди чащи желтел едва заметный мерцающий огонек. Словно дрожащее пламя одинокой свечи на чердаке заброшенного дома.

Этот желтый помаргивающий отблеск придал девочке дополнительные силы, и она убыстрила бег, насколько ей позволяла саднящая от боли нога. Ей даже показалось, будто корявые ветки как-то незаметно расступались перед ней, словно почуяв ее решимость во что бы то ни стало добраться до источника этого странного света.

«Что это? Фонарь? Окошко в доме? Или…»

Бесформенное ярко-желтое пятно увеличивалось с каждым шагом, пока ее не осенило:

Огонь.

Лес внезапно закончился, как если бы деревья с кустарниками разъехались в стороны, как бутафорские декорации в детском театре. Выскочив на небольшую полянку, запыхавшаяся от бега девочка застыла на месте. Тяжело дыша, она не сводила округлившихся глаз с охваченного огнем дома. Несмотря на нескончаемый дождь, правое крыло двухэтажного здания полыхало, как смоляной факел в безлунную ночь. С гулким треском лопались окна, выпуская наружу жадные языки пламени. Черный едкий дым клубился над издыхающим домом, мельтешащие в раскаленном воздухе искры, смешиваясь с дождем, быстро гасли, словно звезды во время звездопада.

Девочка сделала осторожный шаг вперед. Затем еще один. Словно загипнотизированная, она, не мигая, смотрела на бушующий пожар. Громко треснула балка, крыша пожираемого огнем дома перекосилась, опускаясь все ниже и ниже.

Внезапно девочка встрепенулась, ее затуманенные глаза прояснились, словно она только что очнулась от дремы.

Там, внутри, кто-то был. Она ясно слышала характерный стук. Будто…

«Будто кого-то заперли в комнате… А теперь он стучит, чтобы его спасли», – подумала она с нарастающим страхом.

Бах. Бах. Бах.

В короткое мгновение девочка поставила себя на место человека, оказавшегося в этой страшной огненной ловушке. Кругом багрово-зыбкий, выедающий глаза дым… Нестерпимый жар, от которого плавится кожа и трескаются волосы… И никого рядом, кто бы мог прийти на помощь.

С губ девочки сорвался едва слышный стон.

Бах.

Она вытерла мокрое от дождя лицо.

«Ты все равно ничего не сделаешь, – шепнул внутренний голос. – Если ты сунешься внутрь, то сгоришь за считаные секунды».

Бах.

Бах.

Девочка всхлипнула, прислушиваясь.

Удары прекратились.

Между тем всепоглощающее пламя торопливо перекинулось на левое крыло строения. Спустя несколько секунд, хрустнув, просела крыша, и объятый пожаром дом начал рушиться, складываясь, будто карточный домик.

Неожиданно дикий, нечеловеческий вопль ланцетом рассек ночь, и девочка непроизвольно отпрянула назад. Крик оборвался резко, словно человеку, из глотки которого он вырвался, заткнули рот, и девочка даже размышляла, не померещился ли ей этот жуткий звук…

«Нет. Не померещилось», – решила она, и ее вдруг охватило чувство безнадежного одиночества.

В безбрежно-холодное небо снопом взметались искры, они словно надеялись добраться до звезд, при этом светясь и сохраняя тепло.

Девочка продолжала стоять, безмолвно глядя на догорающий дом. Отблески пламени мерцали в распахнутых глазах ребенка, а в мозгу далеким эхом все еще резонировал преисполненный боли и ужаса крик несчастного, погребенного под дымящимися обломками дома.

Спустя 19 лет

Ближе к полудню у ограды старого городского кладбища припарковался слегка запыленный «Хендай-Солярис» цвета «бордовый металлик».

Неподалеку от иномарки застыл плотный мужчина с короткой стрижкой, облаченный в темный пиджак и белую шелковую рубаху, расстегнутую едва ли не до живота. Поражала неестественная бледность его лица, цвет которого несущественно отличался от рубашки.

Женщина средних лет в темных очках, сидящая за рулем машины, заглушила двигатель и, приподняв очки, посмотрелась в зеркало заднего вида. Изящным мизинцем аккуратно стерла едва видневшийся мазок помады с уголка губ, поморгала, как если бы желая избавиться от случайной соринки в глазу. Чрезмерно яркий и даже немного вульгарный макияж хоть и неуклюже, но умело скрывал истинный возраст, и это вполне устраивало владелицу иномарки.

Рядом с ней сидела невысокая девушка лет двадцати – двадцати трех. На ней были джинсы и кожаная куртка, из-под накинутого капюшона от серой толстовки выбилась прядь темных волос, делая ее похожей на подростка. Прищурившись, она внимательно смотрела на неподвижно стоящего мужчину, который, в свою очередь, таращился на припаркованную машину.

– Катя? – позвала женщина, вновь надвигая на глаза темные очки.

– Ну? – безучастно отозвалась пассажирка, погруженная в свои мысли.

– Мы точно приехали в нужное место?

– Точно, – подтвердила Катя. Она подхватила рюкзак, и, открыв дверь, накинула его на плечо. – Идемте, Алиса.

Вздохнув, Алиса еще раз мазнула придирчивым взглядом по зеркалу, после чего вышла из автомобиля.

Неотрывно пялившийся на автомобиль мужчина подобрался, в его глазах, окруженных темными кругами, мелькнула неясная тень.

– Опаздываете… – сказал он, заискивающе улыбнувшись. – Привет, Алиска! Четко выглядишь…

Алиса даже не повернула голову в его сторону.

– Лопату не забудьте, – вспомнила Катя, и женщина, хмыкнув, открыла заднюю дверь автомобиля. Достав оттуда небольшую садовую лопату, она захлопнула дверь, с беспокойством оглядевшись по сторонам. С лопатой в руках, в оранжевой мини-юбке, черных нейлоновых колготках и розовых туфлях на шпильках она выглядела как минимум нелепо и догадывалась об этом. Но куда больше, чем внешний вид, Алису тревожили мысли о благополучном исходе их рискованной задумки, которая должна пройти тихо и гладко, без лишних свидетелей…

Катя шагнула к громадной дыре в ограде и, оглянувшись, сказала:

– Тут пролезайте.

Алиса скривилась, словно надкусила лимон:

– Начинается… – пробурчала она. – А нормально нельзя пройти?

Она с вызовом смотрела на девушку, но Катя даже и ухом не повела.

– Я на каблуках, что за детсад? – ворчливо произнесла Алиса.

Катя, не обращая внимания на реплику женщины, пролезла в отверстие.

Алиса медлила, всем своим видом выражая недовольство.

– Она дело говорит, Алиска, – подал голос мужчина в пиджаке. – Не надо лишний раз у ворот палиться…

Вновь проигнорировав его совет, Алиса перевела взор на дыру, зияющую в ограде, за которой только что скрылась ее спутница. Вздохнув, она с явной неохотой принялась перебираться через пролом.

Мужчина словно ждал этого и с готовностью полез следом. Как только они оказались на кладбище, он обогнал Алису, поравнявшись с Катей.

– Не мельтеши под ногами, Вася, – тихо процедила девушка. – Куда?

Василий быстрым шагом двинулся направо по тропинке, усыпанной гравием. Катя молча шагала следом, искоса поглядывая на мелькающие надгробные камни.

…Астафьева Елена Игоревна… 1938–2011…

…Романенко Дмитрий… 1980–2016…

…Ерохин Ванечка… 2017–2018…

«Совсем кроха», – пронеслась у нее горькая мысль, и в какой-то миг ее охватила невыносимая тоска.

Что могло случиться с ребенком? Болезнь? Несчастный случай?

«Как все-таки беспомощны и хрупки люди, – подумала она. – Кто мы, по сути? Мешки, набитые мясом и костями, по которым моторчик в груди гоняет кровь в венах… Неосторожное падение, ДТП, отрыв тромба – и все, в морг…»

– Сюда! – позвал Василий, махнув рукой. Свернув между старых, неухоженных могил, он прошел еще несколько метров, остановившись у высокого монумента из белоснежного мрамора.

– Это здесь? – хрипловато спросила Алиса, нервно кусая губы.

– Не дрейфь, Алиска, – подбодрил ее Василий с заискивающей улыбкой. – Скоро все будет ништяк, девочка моя…

Она не удостоила мужчину взглядом.

– Давайте сюда, – коротко произнесла Катя, и Алиса выронила лопату, непроизвольно отпрянув, словно она была заразной.

Катя взглянула на Василия, который, замерев, стоял у памятника.

– Где копать? – холодно спросила она.

– Интересно… – фыркнула Алиса. – Притащила меня на кладбище и сама не знает. Вот дура я! Повелась, называется…

– Эх, совести нет у тебя, – покачал головой Василий. – Когда тут в последний раз была, коза неблагодарная?! Посмотри, как все заросло!

Алиса промолчала.

Вздохнув, Василий ткнул в землю носком запыленного ботинка:

– Тут. Справа от плиты. Живее давай только…

– Поторопи еще меня, – проворчала Катя.

Алиса метнула в сторону девушки неприязненный взгляд:

– Стуканутая…

– По сторонам поглядывайте, – отозвалась Катя, начиная копать возле могилы.

Алиса хотела огрызнуться, но в последний момент удержалась.

«Нужно просто немного потерпеть», – мысленно успокаивала она себя, воровато оглядываясь.

Василий безмолвно глядел на быстро увеличивающуюся яму.

– Черт… – наконец воскликнул он, заметно нервничая. – Ну куда ты, ну куда?! Сейчас в гроб влезешь! Правее греби! Никогда не копала, что ли?

Катя выпрямилась, всаживая лопату в нетронутый участок земли:

– На! Сам копай!

Алиса вздрогнула.

– Ч… что? – спросила она растерянно.

– Ничего, – резко бросила Катя. Сунув руку в рюкзак, она резким движением извлекла наружу блеснувшую хромом фляжку. Увидев ее, Василий попятился назад, как если бы перед ним шипела кобра, гневно раздувая свой капюшон.

– Все-все, – пролепетал он. – Молчу…

– Молчит, – передразнила его Катя. Поболтав в воздухе фляжкой, она полюбопытствовала:

– А может, мне все-таки хлебнуть, а?

Алиса с ошарашенным видом смотрела на девушку.

– Так… – протянула она, кашлянув. – Знаешь, девочка, я, наверное, ухожу…

Бледное лицо Василия стало пепельно-серым, напоминая грязный талый снег у обочины.

– Не пей, – испуганно проблеял он. – Не надо, Кать… Извини!

– Ладно, – буркнула Катя, убирая фляжку обратно в рюкзак. Вздохнув, она взяла лопату, продолжив копать. Буквально через пару минут раздался характерный металлический звук, и девушка, отложив садовый инструмент, принялась выгребать землю руками.

Сгорая от нетерпения, Алиса сняла очки и торопливо шагнула вперед, вытягивая шею, чтобы поближе рассмотреть находку.

– Есть, – с удовлетворением произнес Василий, увидев, как Катя вытаскивает наружу круглую жестяную коробку, перетянутую липкой лентой.

– Открывай! – поторопил он девушку, которая неспеша отряхивала находку от налипшей грязи.

– Ну, открывай же ее! – воскликнула Алиса, глаза ее горели от возбуждения.

Катя накрыла коробку ладонью.

– Значит, так, – спокойно начала она. – Как мы и договаривались – я беру себе тридцать процентов. О находке и прочих сегодняшних обстоятельствах вы никогда и никому не рассказываете. Имя мое забываете, номер телефона стираете. Идет?

– Да, да! – нетерпеливо закивала Алиса, не сводя алчного взгляда с коробки, тускло поблескивающей в лучах полуденного солнца. Казалось, весь мир женщины сузился, сжавшись до размера этой невзрачной штуковины из поцарапанной, грязной жести.

Поддев ногтем край скотча, Катя принялась его аккуратно разматывать. Когда последние обрывки липкой ленты были удалены, она сняла крышку. Мелькнул целлофановый пакет, внутри которого угадывалось что-то объемное. Разорвав пакет, Катя выложила на землю четыре увесистые пачки долларов.

Алиса кашлянула, не сводя с денег плотоядного взгляда. Доллары гипнотизировали, притягивая как магнит.

– У тебя сейчас слюна закапает, – усмехнулся Василий, наблюдая за женщиной.

– Может, домой ко мне? – не обращая внимания на язвительную реплику, предложила Алиса. – Тут как-то стремно…

– Ничего стремного, мы тут одни, – не согласилась Катя.

Выдержав небольшую паузу, Алиса выдохнула:

– Блин, сколько их?! Маловато как-то… Эх, Вася, Вася… Тысяч пятьдесят хоть будет?

– Семьдесят косарей тут, – самодовольно заявил Василий. – Ты…

– Я считаю, – перебила его Катя. – Вы мне мешаете!

Василий умолк, глядя, как девушка быстро пересчитывает купюры, шевеля губами.

Ни он, ни Катя не видели, как внезапно преобразилась Алиса. Плотно сжатые губы, сдвинутые брови и ледяной взгляд придали ее лицу отталкивающий и даже злобный вид.

– Ну вот, – проговорила Катя, закончив пересчет. Перед ней лежали две стопки долларов, слева побольше, справа поменьше.

– Тут двадцать одна тысяча, – кивнула она в сторону более тонкой стопки. – Моя доля. Пересчитывать бу…

Закончить фразу Катя не успела, оглушенная лопатой, плашмя обрушившейся на ее голову. Несмотря на капюшон, который отчасти смягчил удар, девушка потеряла сознание, завалившись набок.

У Василия отвисла челюсть.

– Вот так, – тихо произнесла Алиса. Отложив лопату в сторону, она присела над деньгами, торопливо сгребая их в сумку.

– Алиска! – прийдя в себя, заговорил Василий. – Что ж ты творишь, сука бешеная?!

Не поднимая головы, женщина продолжала набивать сумку деньгами. «Вжикнув» молнией, она поднялась на ноги.

– Ну, ты даешь, девочка моя, – захохотал Василий. – Браво! Прямо как я – все в дом!..

– Стуканутая, – сплюнула Алиса, отряхивая руки. Нервно хихикнув, она добавила:

– Хрен тебе, а не проценты. Все в дом… Все себе, как Васечка говорил. Да, Васечка?

Василий перестал смеяться.

– Пальцы сотри с лопаты, – посоветовал он.

Поразмыслив, Алиса присела на корточки, аккуратно вытирая ручку лопаты об куртку бесчувственной девушки.

– Умница, – с презрительной усмешкой сказал Василий.

Поднявшись, Алиса поддела носком туфельки черенок лопаты, резко дернув ногой. Взлетев в воздух, лопата неожиданно пролетела сквозь Василия, чья фигура в этот момент стала расплывчато-зыбкой.

Оглянувшись по сторонам, Алиса торопливо зашагала прочь.

– Меня не забывай, – бросил ей вслед Василий. – А то ночью приду!

Как только женщина скрылась из виду, он повернул голову в сторону Кати, все так же лежащей у могилы в бессознательном состоянии. Василий почесал затылок, в его взгляде читалась растерянная обескураженность.

– Что ты натворил? – неожиданно раздался мужской голос. Спокойный, чуть хрипловатый голос уверенного в себе человека, разменявшего шестой десяток.

– Она наш проводник! – послышался женский голос, дрожащий от негодования. – Единственный! Ты всех нас подставил, идиот! Понимаешь ты это или нет?!

Василий нахмурился, выпятив нижнюю губу, со стороны напоминая обиженного малыша, которому отказали в покупке дорогой игрушки.

– Плевал я на вас, – проворчал он, но в голосе его не чувствовалось уверенности. – Набросились, как шавки…

– Козел, – прошипел женский голос.

– Кто? – возмутился Василий, подбоченившись. – Совсем берега попутала, Белла? Да я тебя…

Он замер, не договорив – Катины глаза внезапно открылись, и она медленно села.

– Катенька? – осторожно прозвучал мужской голос.

– Пошли вон, – проговорила она. Морщась от стреляющей боли, девушка сняла капюшон и потрогала ушибленное место, затем взглянула на мужчину с женщиной, чьи фигуры маячили у белоснежного памятника.

Василий нерешительно переступил ногами. Воинственный запал исчез, сейчас он явно чувствовал себя виноватым за случившееся.

– Ну, короче, Кать… Ты это… извини. Я не знал, что Алиска так поступит.

– Все ты знал, – отозвался интеллигентного вида мужчина с чеховской бородкой. Его черные проницательные глаза с нескрываемым презрением разглядывали Василия сквозь толстые линзы очков.

– Да какая разница, Сан Саныч! – раздраженно воскликнул Василий. – Чего вы все докопались? Может, судить меня будете еще?! Вон, башка целая у нее! Не умерла ведь?

– Не кричи, – осадил его Сан Саныч, склоняясь над Катей. – Живому человеку плохо, не видишь?

Он заглянул в глаза девушке:

– Катенька, как вы? Удар, судя по всему, был по касательной. Потрогайте, шишка есть?

Катя машинально коснулась взъерошенной головы.

Сзади бесшумно подошла Белла, стройная девушка лет двадцати пяти, стыдившая Василия минуту назад. Для кладбища она была весьма странно

одета – в коротеньких розовых шортах, ярко-алом корсете из латекса и туфлях на тоненьких каблуках. За спиной девушки, словно из ниоткуда, пульсируя и подрагивая, материализовались еще несколько расплывчатых фигур, быстро обретая формы человеческих тел.

– Кэт, хай! – поприветствовала Белла девушку. – Как здоровье? У-у-у… можешь не говорить. Ну, крови нет, глаза ясные…

Она кивнула в сторону застывшего, словно истукан, Василия, и глаза Беллы гневно сверкнули:

– А этого придурка… Мы его вообще уволим.

Василий моргнул, словно не веря в только что произнесенную угрозу.

– Куда ты меня уволишь? – забормотал он. – Из профсоюза мертвяков? Не много ли берешь на себя, детка?!

Белла раздраженно отмахнулась, как если бы Василий был мухой, назойливо кружившей над головой.

– Слушай, Кэт, очень тебя прошу… – обратилась она к Кате. – Не могла бы ты к брату съездить? Сказать, чтобы музыку не бросал…

– Да подождите вы! – сердито вмешался Сан Саныч. – Между прочим, вы в очереди за мной, барышня!

– А я следующий, – подал голос бледный худой мужчина, стоявший справа от Беллы.

– Ну, пошел базар-вокзал, – хмыкнул Василий, теребя воротник своей шелковой рубашки. – На меня наезжают, а сами глотку готовы друг другу перегрызть, как гопники из подворотни…

Сан Саныч присел перед Катей на корточки.

– Есть одно лекарство, – с доброжелательной улыбкой произнес он. – Его сейчас не выпускают, но в одной аптеке можно заказать. Вас не тошнит, Катенька?

Девушка медленно поднялась на ноги, отряхивая вылинявшие джинсы.

– Тошнит, – угрюмо ответила она, вновь накидывая капюшон на голову. – Меня от вас всех тошнит…

– Куда ты полезла со своими проблемами? – недовольно поинтересовался один из призраков, обращаясь к Белле.

– Это все ты виноват! – Белла ткнула аккуратным пальчиком с ярко-красным ноготком в сторону Василия. – Козел рогатый, вот ты кто!

– Он козел, а ты коза тощая! – выкрикнул кто-то.

– Катя, прости, мы другое имели в виду…

Катя закрыла уши руками, зажмуриваясь, но истеричные голоса, превратившись в непереносимо-однообразный гвалт, накрыли ее тяжелой волной, и каждая реплика пронзала барабанные перепонки раскаленной спицей, добираясь до мозга.

– Ну ладно, – пробормотала она и, вытащив из рюкзака флягу, открутила крышку.

Шум мгновенно стих, призраки, неотрывно глядя на Катю, осторожно попятились назад, словно в руке девушки была не фляга со спиртным, а граната с выдернутой чекой.

Сан Саныч деликатно откашлялся.

– Катерина… Вы же порядочная и интеллигентная девушка… Пожалуйста, не делайте этого! – попросил он, поправляя очки.

Белла шмыгнула носом.

– Кэт, мы так долго ждали, пока из тебя эта дрянь выветрится, – хныкающим голосом проговорила она. – Не пей, пожалуйста!

– Все! – рявкнула Катя, всем своим видом показывая, что компромиссов не будет. – У меня отпуск! От всей вашей дохлой шушеры!

Глубоко вздохнув, она сделала большой глоток. В это же мгновение в голове раздался оглушительный свист, как у неисправного микрофона. Перед глазами, колыхаясь, словно желе, поплыли искрящиеся пятна, в мозг яростно вгрызлась зубастая боль, и Катя зажала уши, глухо застонав.

Окружавшие ее фигуры быстро истончались, становясь прозрачными. Они вибрировали, как раскаленный воздух в выжженной солнцем пустыне. Спустя секунду призраки рассыпались в прах, тут же развеянный порывом ветра. Послышался резкий звон – искрясь, начали лопаться фонари, молчаливыми солдатами стоявшие вдоль кладбищенской аллеи.

После этого наступила тишина, настолько густая и вязкая, что, казалось, от нее можно было отщипнуть ломтик…

С неба упали редкие капли дождя.

Катя поднесла флягу к губам. Запрокинула голову, с досадой отметив, что на дне всего лишь жалкие остатки.

– Черт… – вздохнула она, убирая флягу в рюкзак. – Через полчаса опять вернутся.

* * *

Город медленно, но неуклонно накрывала ночь, угольно-черная и вместе с тем кристально ясная, словно бескрайнее покрывало, на котором сверкающими стразами поблескивали прохладные звезды. И если движение и суматоха в различных учреждениях, офисах, магазинах и прочих заведениях стихли, то в ночном баре «Гавань» жизнь только просыпалась.

Переливающийся свет мощных софитов чертил на танцплощадке нервные зигзаги, напоминая окрас хамелеона, находящегося в состоянии крайнего возбуждения, – лимонно-желтые огни плавно переходили в ядовито-зеленые, затем алели, словно наполняясь артериальной кровью, окрашивая головы танцующих в густой багрянец.

Активно работая локтями, Катя протискивалась сквозь живую стену молодежи. Кто-то заливался истеричным смехом, кто-то громко рассказывал пошлый анекдот, из туалета тянуло сладковатым запахом травки… Слева высокий юноша с выбритыми висками и «тоннелями» в ушах целовался взасос с едва держащейся на ногах пьяной подругой, и, мельком взглянув на прикрытые глаза девушки, Кате вдруг пришло в голову, что в настоящий момент ей совершенно фиолетово, кто именно слизывает с ее губ остатки помады.

Наконец пробившись к барной стойке, Катя с шумом выдохнула. Невысокий бармен с аккуратной стрижкой бросил на нее внимательный взгляд, и на лице его проскользнула учтивая улыбка.

– Добрый вечер! – поздоровался он, и Катя, кивнув ему в знак приветствия, положила на стойку несколько скомканных купюр.

Понятливо кивнув, бармен ловким движением смахнул деньги, и спустя несколько секунд перед Катей стояла пол-литровая бутылка «Джемесон».

Все так же кивнув в знак благодарности, она, не говоря ни слова, сунула виски в рюкзак и направилась к выходу.

Выйдя из бара, Катя некоторое время стояла, безмолвно глядя на рваные клочья облаков, которые смутными тенями плыли по небу.

«М-да. Денек сегодня так себе», – подумала она и медленно побрела вдоль забора, ограждающего заброшенную стройку. Мимо, шатаясь из стороны в сторону и дыша смертоубийственным перегаром, проковылял какой-то мужчина.

Проходя мимо красного сигнального фонаря, прикрученного к забору проволокой, Катя подмигнула ему, словно старому приятелю.

Дойдя до угла, девушка обратила внимание на небольшой кабельный барабан, лежащий неподалеку от забора, и двинулась к нему.

Поставив на него свой рюкзак, Катя достала виски, принявшись возиться с крышкой, которая, как назло, лишь прокручивалась, ни в какую не желая сниматься со своего места.

– Тьфу ты…

Не собираясь сдаваться, из кармана рюкзака она вытащила связку ключей. Наконец пробка поддалась, и со вздохом облегчения Катя откупорила злосчастную бутылку. Выудив из недр рюкзака флягу, она принялась переливать в нее виски, с явным неудовольствием заметив, как дрожат ее пальцы.

«Так недалеко и в запой уйти, – рассеянно подумала она. – А, плевать…»

Собственно, даже если ей и светит перспектива стать беспробудной пьяницей, то сейчас она ничего с этим поделать не сможет. Во всяком случае, другого способа отгородиться от непрошеных гостей, осаждающих ее в самых неподходящих местах, она пока не знает.

Фляга уже наполнилась, но Катя почему-то медлила, не решаясь сделать глоток. Нахмурившись, она оглядывалась по сторонам, ловя себя на мысли, что кто-то вот уже несколько минут пристально наблюдает за ней. Словно подтверждая ее тревожные ощущения, откуда-то слева из кустов раздался едва различимый шорох.

– Уеду отсюда, – пробормотала Катя, поворачиваясь в сторону звука. – На фиг…

Кусты были сонны и спокойны, никакого шороха и других посторонних звуков оттуда больше не доносилось. Резко мигнул сигнальный фонарь, словно предупреждая об опасности.

Качнув головой, Катя развернулась обратно, едва не завопив от страха. Пальцы непроизвольно разжались, выпуская флягу и бутылку, в которой еще оставалось немного виски. Звонко грохнувшись о бордюр, бутылка разлетелась на стеклянные льдинки, в воздухе поплыл запах знаменитого ирландского

алкоголя.

Буквально в двух шагах от Кати в неподвижности замерла незнакомая девушка. Тонкое, безмерно уставшее лицо пепельно-воскового цвета, как у жуткой маски, в глубоко запавших глазах тлели рубиновые огоньки, источавшие исступленное безумие. Густые распущенные волосы девушки лениво колыхал ветер, и совершенно некстати Катя подумала о водорослях на дне пруда, которые заставляло шевелиться подводное течение. Незнакомка была облачена в темное пальто, накинутое прямо на полупрозрачную ночную рубашку.

– Твою мать, – процедила Катя, не без труда совладав с первым испугом. Одновременно она злилась на себя – если так пойдет и дальше, она очень скоро очутится в дурдоме. – Ты еще кто?!

Девушка, на вид которой было не более двадцати пяти, хранила глухое молчание.

Катя шагнула вперед, осторожно вытянув правую руку. Не встретив никакого препятствия, кисть свободно прошла через безмолвствующую фигуру незнакомки.

Катя отступила, нервно встряхнув руку, как если бы испачкалась.

– Ясно, – обронила она с безучастным видом. – Еще одна в очередь?

Странно, но испуг мгновенно улетучился, и она горько усмехнулась про себя.

Да уж. Когда человек дожил то того, что призраков боится меньше, чем обычных людей из мяса и костей, пора вызывать машину с красным крестиком и мигалкой…

На ум неожиданно пришла байка, рассказанная кем-то из знакомых совсем недавно:

«Кладбище – единственное место, где маленькая бледная девочка в белом платье нагоняет больше ужаса, чем здоровенный мужик с топором…»

– Может, все-таки представишься? – скучным голосом осведомилась Катя.

Взгляд стоящей перед ней девушки внезапно вспыхнул, затем незнакомка отвела его в сторону. Катя сдвинула брови, проследив за ней взором. Прямо на грязном асфальте, среди окурков и пятен от машинного масла нежным аквамарином пульсировало:

МАРИНА

А чуть ниже более мелкими буквами:

кафе

Катя желчно усмехнулась.

– В ресторан приглашаешь, подруга? Так у меня все с собой… Из горла будешь? Или манеры не позволяют?

С этими словами девушка наклонилась за фляжкой, выругавшись, – все содержимое разлилось по асфальту, и от бутылки остались лишь осколки, тускло мерцающие в темноте.

– Не беда, – холодно улыбнулась Катя, выпрямляясь. – Я сейчас новую куплю, и тебя, Марина, сдует к чертям. Ты немая, но не глухая же? Или все-таки глухая? Так вот, дорогуша, читай по губам: «Приема не будет!» Учет и ремонт. Усекла?

Глаза Марины расширились, тлеющие угольки превратились в два пылающих факела, словно внутри тела девушки бушевал неистовый пожар.

Катя переступила с ноги на ногу, на мгновение задумавшись.

– Ладно, – смягчилась она. – Платить есть чем?

Неподалеку остановились двое парней, минуту назад вышедших из ночного клуба. Один из них ткнул пальцем в Катю, что-то сказав приятелю, и тот пьяно хохотнул.

– Я на халяву не работаю, – как ни в чем не бывало продолжала «беседовать» с призраком Катя.

– Нормальная заява! – воскликнул один из парней, качнувшись в сторону, будто маятник. – Ну че, может, наскребем?!

Смерив молодых людей ледяным взглядом, Катя стремительно зашагала обратно в бар.

– Эй! – позвал второй парень, пытаясь поймать девушку за руку. – Ну че ты? Иди к нам, не стесняйся! Передумала?

– За базар нужно отвечать, – поддержал друга его покачивающийся приятель.

– Уроды, – бросила Катя и, резко развернувшись, быстро пошла в обратном направлении.

Пройдя сотню метров, Катя немного расслабилась.

«Вроде отстала. Куда теперь? Домой?»

Она остановилась, оглядываясь по сторонам прояснившимся взглядом. Пожалуй, нужно выбираться из этих подворотен…

Пока она раздумывала, куда направиться, воздух перед ней внезапно затрепетал, словно завернувшись в немыслимый серебристо-искрящийся узел. Легкая вспышка, и призрак Марины вновь оказался буквально на расстоянии вытянутой руки.

– Отвали, – сквозь зубы проговорила Катя, но Марина не двинулась с места. Ее некогда пышущие жаром глаза угасли, теперь в них читались невыносимая усталось и мука. А еще Кате показалось, что в них скользнула мольба.

«Только о чем ты хочешь попросить меня?!» – мысленно произнесла Катя, обходя безмолвную фигуру.

Свернув в переулок, она убыстрила шаг, но спустя мгновение снова знакомая вспышка и глаза Кати опять перехватили молящий взгляд.

– Настырная барышня… – вздохнула Катя, накидывая на голову капюшон. Она уже едва ли следила за тем, куда несли ее ноги, движимая лишь одной целью – избавиться от не в меру настойчивой «попутчицы». С другой стороны, ее смущало упорство своей новой знакомой. Как там ее, Марина? Похоже, она отчаянно хотела что-то ей показать…

Катя свернула в какую-то темную подворотню, пахнуло затхлостью. Пройдя несколько метров, она с досадой ткнула ногой, обутой в кед, старую обшарпанную стенку:

– Приехали… И откуда тут тупик?

Она повернулась, но, к ее изумлению, Марины рядом не оказалось:

– Куда завела, дура?!

Помешкавшись, Катя посмотрела на стену с отслаивающейся штукатуркой.

«А почему бы и нет?» – шепнул внутренний голос. Катя часто слышала его у себя в голове. Это одновременно был ее голос и чей-то чужой. Поискав глазами, она заметила неподалеку от стены обломки досок. Выбрав несколько штук подлинней, она соорудила из них нечто вроде шатких ступенек. Осторожно поднявшись на получившееся сооружение, Катя уцепилась пальцами за верхний край стены и, подтянувшись, перемахнула на другую сторону.

– Ого, – вырвалось у девушки, когда она спрыгнула вниз. Отряхивая ладони от пыли, она с любопытством огляделась.

«Похоже на територию фабрики или какого-то комбината, – подумала Катя. – Только давно заброшенного…»

В пользу этого умозаключения красноречиво свидетельствовали громадные, исписанные граффити ворота, облезлый высоченный забор, на верхушке которого еще сохранились гнутые кольца колючей проволоки, мятые, подернутые ржавчиной трубы, спящие корпуса промышленных зданий с выбитыми стеклами… Судя по этому, а также по проросшим сквозь металлоконструкции деревьям, жизнь на этом комбинате угасла не один год назад.

Немного поразмыслив, Катя двинулась вперед. Под резиновыми подошвами кед тихо похрустывали стеклянное крошево и керамзит вперемешку с гравием. Пересекая территорию заброшенного комбината, она вздрогнула – возле потемневшего от времени и непогоды амбара материализовались очертания ее недавней знакомой.

– Марина! – позвала Катя, но призрак бесшумной тенью скрылся в дверном проеме.

Не раздумывая, Катя кинулась следом.

Внутри царила кромешная тьма, тянуло плесенью и мышами. Катя поморщилась, силясь разглядеть в обволакивающей темноте Марину.

– Ну, и куда ты притащила меня? – грубовато, но беззлобно спросила она.

Кожу обдало прохладным ветерком, тихая вспышка, и Марина, словно сотканная из ночных грез, возникла рядом с девушкой. Мертво-желтый свет луны, пробивающийся сквозь пробоину в крыше, засеребрил контуры волос призрака. По каждому волоску фантома проскальзывали крохотные искорки, и Катя неосознанно представила себе кошку, когда ее гладишь в темноте. Марина была так близко, что Катя могла разглядеть на ее подбородке малюсенький шрамик.

«Наверное, упала в детстве», – почему-то подумала девушка. Она уже хотела открыть рот для очередного язвительного вопроса, как Марина неожиданно подняла голову, пристально всматриваясь куда-то вверх.

Катя медленно проследила за ее взглядом, пока ее глаза не уткнулись в едва видневшийся люк.

– И что там? – нетерпеливо спросила она, но Марина продолжала молчать.

– Я вылезу на крышу, спрыгну вниз, и все по кругу? – усмехнулась Катя. – Как в каком-нибудь задрипанном квесте? Со мной такие штуки не проходят, понятно? Я ухожу.

Марина неслышно придвинулась еще ближе, так, что Катя ощущала безжизненный холод, который источала ее белая как мел кожа. И без того огромные глаза распахнулись еще больше, теперь в них не просто мольба, а истошный, преисполненный болью крик о помощи.

Помедлив, Катя вздохнула.

– Моя доброта меня когда-нибудь саму в гроб загонит, – проворчала она, начиная двигать в середину помещения рассохшийся стол. В углу она нашла массивный ящик и, кряхтя от напряжения, взгромоздила его на стол.

– Добилась своего, – смахнув пот со лба, резюмировала Катя. Она залезла на стол, вытирая об джинсы запылившиеся ладони. Поднялась на ящик и, встав на цыпочки, потянулась к люку.

– Блин, – пропыхтела она, едва удерживая равновесие. – Сантиметров десять не хватает…

В струившемся бледном свете луны было видно, что в петлях люка висит здоровенный замок, и его дужка открыта.

– Молись, чтобы там было что-то путное, – сказала Катя.

Спрыгнув вниз, она подобрала с захламленного пола ржавую арматурину и ловко вскочила на стол.

Марина с застывшим лицом наблюдала за действиями девушки. С каждым ударом стального прута ее нежные, полупрозрачные веки вздрагивали, словно вместо старого замка удары били по ней.

Сверху сыпалась какая-то труха, и Катя жмурилась, с размахом колотя по замку. Наконец дужка со скрипом выскочила из петли, люк распахнулся, словно хищный рот гигантской твари, вываливая на ошеломленную Катю облако прелых опилок и что-то бесформенно-скрюченное, облепленное лохмотьями паутины. Девушка успела лишь издать короткий крик и, не удержавшись на хрупкой конструкции, грохнулась вниз вместе со странным продолговатым предметом.

«Что это?! Кукла, манекен?! Или…»

В это же мгновение по стройному телу Марины неожиданно зазмеились голубоватые всполохи, контуры тела затрепетали, растекаясь и сливаясь с тьмой. Спустя секунду она бесшумно растаяла в ночных сумерках.

На исчезновение своей молчаливой знакомой Катя не обратила внимания. Взяв себя в руки и преодолевая отвращение, она осторожно подползла к своей находке, от которой исходил едва уловимый запах тлена.

Даже скудного света луны, льющегося из дыры в крыше, хватило на то, чтобы определить – перед ней высохший, полностью мумифицированный труп женщины. Приглядевшись повнимательнее, Катя вздрогнула: на теле мертвеца было темное пальто и ночная рубашка.

Точно такие же, как у Марины.

Словно в тумане, она достала мобильник и, набрав номер экстренных служб, вызвала полицию, совершенно спокойным и ровным голосом сообщив о жуткой находке. После того как разговор был окончен и дежурный пообещал направить к комбинату оперативную группу, у Кати проскользнула запоздалая мысль о том, что это с ее стороны было не самым удачным решением. Теперь возни не оберешься, ведь звонок можно было сделать анонимно, из любого таксофона. Выполнила свой гражданский долг и адью, пусть доблестная полиция ищет убийцу. А она, как информатор о совершенном преступлении, осталась бы в тени…

Но теперь уже все. Как говорится, поздно пить «Боржоми», когда почки отказали.

Следующие тридцать минут текли ужасно медленно, словно липкая патока, капающая из трещины в цистерне. И когда уже Катя начала всерьез подумывать, а не слинять ли ей, пока еще не поздно, за громадными воротами комбината началось нервное движение, и вскоре сонная территория наполнилась светом фонарей и гулом мужских голосов.

Судебный эксперт, худощавый мужчина с посеребренными сединой висками, принялся деловито осматривать труп, а молодой опер плотного телосложения под его диктовку торопливо заполнял бланк протокола. Подошла женщина-кинолог, ведя на поводке настороженно фыркающую овчарку. Услышав от эксперта предположительное время наступления смерти, кинолог скептически покачала головой. Тем не менее она отстегнула поводок от ошейника, коротко отдав команду собаке. Овчарка суетливо повертелась в амбаре, недовольно гавкнула, затем выскочила на территорию комбината. Принюхиваясь, она сделала неуверенный круг, после чего села, выжидательно глядя на кинолога.

Кто-то из сотрудников полиции предложил Кате куртку, и она молча кивнула, чуть улыбнувшись в знак благодарности. Накинув ее на плечи, она села на пыльный ящик и устало прикрыла глаза. Хотелось спать, но как только она начинала думать о постели, перед глазами, словно чертик из табакерки, материализовывалась скукоженная мумия в грязном пальто, со спутанными клочьями волос и пустыми глазными впадинами.

Младший следователь, молодой человек лет тридцати, представился ей Морозовым Антоном Владимировичем. После нескольких уточняющих вопросов он раздраженно заходил из угла в угол, затем вынул из кармана куртки смартфон, набирая чей-то номер. Какое-то время Морозов говорил с кем-то приглушенным голосом, после чего резко развернулся, вытянув руку с гаджетом в сторону Кати:

– Значит, судя по твоим словам, ты пошла гулять не по дороге, как нормальный человек. На протяжении получаса ты продиралась через кусты, перелезала через заборы, рискуя сломать шею, и оказалась именно в том месте, где на тебя случайно свалился из люка труп. Так?

– Да, – лишенным эмоций голосом отозвалась Катя.

– Пила вечером? – спросил Антон, подозрительно покосившись на девушку.

– Было дело, – не стала скрывать она.

На лице следователя появилось удовлетворенное выражение, словно он поймал Катю на какой-то изобличающей неточности.

– Вещества другие употребляешь? – вкрадчиво спросил Морозов.

– Нет! Да чего вам надо-то?! – вспылила Катя. – Не там убийцу ищете!

Антон холодно усмехнулся.

– Ты это слышал? – негромко осведомился он в смартфон. Сверля недоверчивым взглядом Катю, он прибавил:

– Вообще-то, я следователь. Произошло убийство, и к тебе, сообщившей о происшествии, есть вопросы. Очень много вопросов, Катерина. Проблемы с законом раньше были?

– Пробейте по своим базам и все узнаете, – буркнула Катя, кутаясь в куртку.

Антон кивнул, как если бы девушка только что чистосердечно призналась в злодеянии.

– Значит, были, – подытожил он. – Сейчас поедешь с нами и все подробно опишешь.

– Хрен тебе, – вполголоса произнесла Катя, но следователь услышал.

– Что ты сказала? – нахмурился он. – Значит, так? Хорошо. Сорок восемь часов задержания…

– За что?! – взвилась Катя, соскакивая с ящика. Куртка, слетев с ее плеч, свалилась на грязный пол бесформенной тряпкой. – За то, что я вызвала вас?! За это вы меня хотите запереть в камере?! Я что, похожа на убийцу?! Хрен вам!!

Лицо Антона потемнело. Он уже открыл было рот, чтобы поставить эту не в меру эмоциональную и обнаглевшую девицу на место, как за спиной раздался протяжный гудок клаксона. Он обернулся, увидев припарковавшуюся у ангара «Тойоту Камри».

Рыжеволосый оперативник, составлявший схему места происшествия, тоже заметил автомобиль. Оторвавшись от работы, он приблизился к напарнику, который сосредоточенно заполнял протокол осмотра трупа.

– Деньги гони. Как договаривались, – сказал «рыжий», и второй опер покосился на «Тойоту».

– Смотри-ка, не уволился еще, – кислым голосом заметил он.

– Держится, душегуб, – ухмыльнулся «рыжий». – Давай, не заговаривай зубы!

Плотный опер с неохотой полез в бумажник и, недовольно сопя, передал коллеге несколько мятых купюр.

Вышедший из иномарки мужчина захлопнул дверь, неспеша направляясь к Морозову и Кате. В его руках был сотовый, прислоненный к уху.

– Отбой, – бросил он, убирая мобильник в карман, и Антон последовал его примеру.

Пожав руку Морозову, мужчина повернулся к Кате.

– Следователь Капков, – отрывисто представился он.

Катя недоверчиво разглядывала мужчину. На вид лет тридцать пять, густые, без седины, волосы, спортивная фигура. Однако ее недоумение было вызвано болезненной бледностью лица, трехдневной щетиной и общим взъерошенно-помятым видом этого представителя правоохранительных органов.

«Похоже, он тоже сегодня далеко не «Дюшес» хлестал», – мрачно подумала Катя.

– Ну, ты все слышал, Семен, – сказал Антон, всем своим видом показывая, мол, все, что от меня зависело, – сделал.

– Оставь нас, – не глядя на него, произнес Капков, и Антон, чуть помедлив, отправился к судебному эксперту.

– Как чувствуете себя? – спросил следователь, когда Морозов ушел.

Катя вздохнула.

– Только не надо вот этого, – отмахнулась она. – Мне тут ваш коллега уже арестом грозил…

– Хорошо-хорошо, – примирительно сказал Капков. – Не надо волноваться.

Катя перехватила взгляд следователя. Тот как ни в чем не бывало выудил из кармана прозрачный леденец, и, развернув обертку, закинул его в рот.

– Руку дайте, – неожиданно велел он, и Катя изменилась в лице, густо покраснев:

– Это еще зачем? Я чистая!

– Это я вижу, – невозмутимо отозвался Семен. – Руку дайте. Не бойтесь.

Помешкавшись, она неуверенно вытянула правую руку, и, к нескрываемому изумлению Кати, следователь положил на ее ладонь очередную конфетку.

На губах Кати заиграла неуверенная улыбка.

– Как вы тут оказались? – спокойно спросил Капков.

Улыбка Кати померкла.

«Снова-заново», – уныло подумала она и ответила, вызывающе глядя на следователя:

– Просто гуляла. Разве это запрещено?

– Понятно, – так же ровно промолвил Капков. – Гуляли. В темноте на вас падает труп с перерезанным горлом, а вы не очень-то испугались. Вы что, часто покойников видите?

Катя растерянно моргнула.

– Что?

– Только врать не надо. Особенно по мелочам.

«Я покойников каждые полчаса вижу», – мрачно подумала она. Вслух же сказала:

– Нет, конечно. Не часто. И я не вру.

Капков вздохнул:

– Вы можете идти.

Кате показалось, что она ослышалась.

– Вы меня отпускаете? – недоверчиво спросила она.

– Да.

Метнув на следователя оценивающий взгляд, Катя торопливо зашагала к выходу.

Когда она скрылась в сумерках, к Семену приблизился судмедэксперт. Монотонно-бесцветным голосом он начал что-то излагать, но следователь, казалось, едва слушал специалиста, продолжая смотреть в сторону ушедшей девушки.

– Семен Николаевич! Да очнись ты, – затормошил его эксперт. – Ты слышишь, о чем я толкую? Мумия. Женщина, лет двадцать пять ей. Судя по всему, мумифицировалась прямо в вентиляции. На шее при визуальном осмотре виден след от острого предмета. Скорее всего, нож. Примерно полгода как смерть наступила. Может, даже год, завтра все точно скажу. Семен Николаевич?

– Да-да, – рассеянно кивнул Капков и крикнул:

– Антон!

– Мутная девица, – поделился своим мнением Морозов, подходя к следователю. – Зря отпустил, Семен. Может, завтра к ней наведаться?

Капков пожал плечами:

– Как хочешь.

Антон окинул начальника критическим взглядом с головы до ног и осторожно полюбопытствовал:

– Ты это… Опять, что ли, не спишь?

– Не твое дело, – сухо ответил Семен и повернулся к судмедэксперту:

– Слушай, Хирург, расскажи все Антону. Это дело будет вести он, а то я опять не справлюсь.

И прежде чем кто-то возразил или что-то сказал, Капков резко развернулся, направившись к машине.

* * *

Катя медленно брела по ночной улице, меланхолично пиная смятую банку из-под «фанты».

Бамс!

Отскочив от бордюра, банка попала в лужу, но девушка, ничуть не смутившись, шагнула прямо в неровный овал грязной воды, сонно мерцающий в свете уличных фонарей, и с каким-то мазохистским наслаждением наподдала по банке кедом. Во все стороны полетели брызги, намочив ее джинсы едва ли не до колен, но Катя и бровью не повела.

– Гол, – мрачно сообщила она в темноту, и, приблизившись к банке, снова пнула ее.

Бемц!

Катя вдруг неожиданно подумала, что ее мозг можно было сравнить с бескрайней дремлющей пустыней. Выжженная палящим солнцем потрескавшаяся земля, по которой колючий ветер беспорядочно гонит перекати-поле – ее мысли. И эти мысли, подпрыгивая и сталкиваясь друг с другом, никоим образом не приближали ее к ответам на многочисленные вопросы, касающиеся недавнего происшествия.

Что хотела от нее Марина?!

Катя вспомнила ее исступленный, пылающий безумием взгляд и судорожно повела плечом.

Этот призрак не был похож на тех, с кем ей приходилось раньше иметь дело.

«Она хотела, чтобы нашли ее мертвое тело, – предположил внутренний голос. – И ты вызвала полицию».

– Угу, – вслух хмыкнула Катя, в очередной раз ударяя по уже изрядно исцарапанной и помятой банке.

Бимс!

– А если бы я забила на все? Развернулась и свинтила по-тихому?!

«Значит, она была уверена, что ты не свинтишь», – вдруг подумала она.

Вот только зачем это Марине?! Хочет найти убийцу? Но, судя по всему, смерть бедняги наступила очень давно! А Катя не вчера родилась и, благодаря прессе и кинофильмам, хорошо осведомлена, что разыскать злоумышленников спустя такой значительный промежуток времени будет очень непросто.

Если это вообще возможно.

– А вот гемор на свою задницу я точно нажила, – заметила она, доставая из кармана плеер с наушниками. Выбрала любимый альбом «Роб Зомби» и, нажав на воспроизведение, продолжила путь.

Зайдя в подъезд, она на секунду замерла, вцепившись рукой в перила. Все лестничные пролеты, все ступеньки заполнены ими. Старые, молодые и совсем дети… Мужчины и женщины, высокие и маленькие, пухлые и тощие, улыбающиеся и хмурые, казалось, их здесь сотни… Спертый воздух подъезда был наполнен невнятным вибрирующим гулом – они негромко переговаривались.

«О боже, – мысленно выдохнула Катя. – Это никогда не закончится…»

Призраки, все как один, уставились на девушку, умолкнув как по команде.

С отстраненным видом она принялась медленно подниматься наверх, не обращая на странное сборище никакого внимания.

Катя ничуть не удивилась, когда открыла дверь в квартиру и увидела, что там то же самое. Она обвела собравшихся усталым взором.

Сил спорить, ругаться и что-то доказывать не было. Отчаянно хотелось одного – забыться крепким сном.

– Хорошо хоть молчите, – с горькой усмешкой произнесла она, продвигаясь дальше. – Как очередь в поликлинике…

Блекло-расплывчатые фигуры торопливо расступались перед ней, будто бы в этом был какой-то смысл – один из нескладных юношей (новичок, что ли?) замешкался, и Катя рассеянно прошла сквозь него, словно и не заметив

препятствие.

Небрежно швырнув рюкзак в коридоре, она свернула на кухню, где умыла лицо, после чего жадно попила холодной воды прямо из крана.

Она закрыла кран, вытерла губы и направилась в комнату. Взгляд девушки задержался на крупной фотографии в серебристой рамке. Со снимка, счастливо улыбаясь, глядели обнимающиеся мужчина с женщиной.

– Папочка, мама… – вздохнула Катя, проведя перед глазами рукой, словно прогоняя туманную завесу. – Как же мне вас не хватает…

Она зашла в комнату, мазнув равнодушным взглядом по царившему внутри бардаку. Казалось, здесь только что прошел неистовый ураган – разбросанная повсюду скомканная одежда, выдвинутые ящики, стопки книг прямо на полу, заваленный всяким хламом стол, наполовину разобранные коробки, валяющиеся пустые бутылки и смятые салфетки. Впрочем, Катя давно привыкла к этому и практически не обращала внимания на беспорядок.

А кроме того, в комнате тоже были они.

Десятки глаз застывших фигур следили за ней, не упуская из виду любое движение девушки.

Между тем Катя, ничуть не стесняясь, стянула футболку и джинсы, оставшись в одних трусиках.

Кто-то из находившихся внутри деликатно отвернулся, но нашлись и те, в основном из мужской части, кто, округлив глаза, буквально пожирал взором стройное тело хозяйки квартиры.

С непроницаемым выражением лица Катя подняла с дивана светлую рубашку и уже хотела сунуть руку в рукав, как услышала за спиной осторожный голос:

– Катюнь… Ты это, извини… Можно пару слов?

Девушка обернулась, смерив неприветливым взглядом стоявшего в дверях Василия. Вид у него был помятый и обескураженный, как у мужа, вернувшегося в час ночи домой и оправдывающегося перед рассвирепевшей женой.

Катя склонилась над одной из коробок, пошарила там и двинулась к следующей.

– Катюнь… – снова заканючил Василий, но девушка его оборвала:

– Уйди.

– Эй, тут очередь вообще-то, – хрипло заметила фигура высоченного мужчины с длинными волосами, забранными в хвост.

– Замолкни, – огрызнулся Василий и снова повернулся к Кате.

– Ну послушай, Катюнь… Ты уж извини, что так с Алиской получилось. Но мне твоя помощь все-таки очень нужна! Поверь! Короче, есть другая тема денег поднять. Надо одного умника приморить. Считай, это я исполню. А ты просто на курок нажмешь, я все покажу… Код от сейфа, как уйти – это все я продумал! Все бабки – тебе, а мне плюс в эту… как ее…

Василий озабоченно наморщил лоб, но тут же его лицо разгладилось:

– Во, в карму! Ну, и пару делишек за меня закончишь. А, Катюнь? Он очень нехороший человек, я клянусь…

Переворошив содержимое очередной коробки, Катя заметила торчащее наружу горлышко бутылки. Она вытащила ее наружу, поболтав в воздухе. Плещущаяся внутри жидкость заполняла стеклянную тару почти на треть. Катя не видела, как кардинально изменились взгляды ее «гостей» – из молчаливо-угодливых и заискивающих они мгновенно преисполнились недовольством, а то и нескрываемой ненавистью.

– Уйди отсюда, – приказала Катя, и в ее голосе зазвенела сталь. – Все уходите! Мне от вас ничего не нужно. Проваливайте!

Василий обиженно пожал плечами.

– Понял, – пробурчал он. – Ухожу.

Издав долгий вздох, он шагнул вперед, прямо в стену, растворившись в ней за сотую долю секунды.

Это было сигналом, после чего остальные неохотно зашевелились, бесшумно исчезая в воздухе.

Спустя некоторое время в комнате не осталось никого, кроме одной девушки, замершей у закипающего чайника. Мигнул синий глазок, раздался короткий щелчок, и чайник вырубился, покрывая испариной прозрачную крышку.

Нахмурившись, Катя подошла ближе, с раздражением отметив, что незнакомка с внимательным видом рассматривала фотографию ее покойных родителей.

– Оглохла, что ли? – повысив голос, спросила она. – Или специальное приглашение нужно?!

Девушка повернулась, и Катя отпрянула назад.

– Лариса?!

– П-п-привет, сестренка, – слегка заикаясь, сказала девушка и тепло улыбнулась. Она шагнула было вперед, чтобы заключить в объятия Катю, но та увернулась, продолжая хмуриться.

Лариса была как две капли воды похожа на Катю. Та же хрупкая фигура, темные волосы. Только, в отличие от Кати, она выглядела аккуратно и строго. Они казались двумя половинами одного целого, такие одинаковые и такие разные одновременно.

– Ты как вошла?

– У меня есть к-к-ключ, – с удивлением ответила Лариса. – Разве не п-п-помнишь?

Катя поджала губы.

– Четыре утра, вообще-то. Время видела, сестренка?

Лариса снова улыбнулась.

– Видела. П-прости, что не предупредила заранее. Но ты ведь угостишь меня чаем, Катюш? Холодно…

* * *

Сорвав зубами пробку, Капков, не снижая скорости, прильнул к горлышку бутылки. Остатки водки хлынули в глотку, обжигая нутро. Следователь небрежно швырнул пустую бутылку на пассажирское сиденье, вытер губы. Покрасневшие глаза не мигая смотрели на пустынную дорогу, высвечиваемую ярко-желтым светом фар.

Проклятый сон.

Да, именно сон, увиденный накануне, которому он, следователь Капков Семен Николаевич, не придал никакого значения, досадливо отмахнувшись, словно от жужжащего комара.

Впрочем, нужно признаться, что кошмары мучили его не так уж и редко. Но особенно зачастили ночные ужасы после смерти, а точнее, убийства Аллы Степной, дело по которому он вел лично… но убийцу так и не нашел.

«А ведь этот сон был знамением», – внезапно подумал Капков, смахнув с лица выступивший пот.

Он зажмурился, как если бы желая поскорее избавиться от неприятного видения, но увиденная во сне картина, как назло, маячила прямо перед глазами, словно неоновая вывеска…

…Вот он пробирается в каких-то сумрачных коридорах, нервно моргают тусклые лампочки, где-то монотонно капает вода. И вдруг тревожную тишину, словно скальпелем, вспарывает дикий, надрывно-животный крик. Кричит женщина, и кричит она так, словно ее заживо поджаривают на углях.

Капков цепенеет, но ноги сами несут его на крик.

Женщина замолкает, но зловещее эхо еще долго вибрирует в стылых коридорах бесконечного лабиринта.

Наконец, он видит впереди приоткрытую дверь, оттуда льется бледный свет, и Семен устремляется туда. Рука послушно ныряет за табельным «ПМ», и, ощутив прохладную тяжесть оружейной стали, к нему возвращается уверенность.

Ногой он распахивает дверь и, тяжело дыша, во все глаза смотрит на крупного мужчину в капюшоне, стоящего к нему спиной. Человек стоит у медицинской каталки, на которой, распластавшись, лежит обнаженная девушка.

«Руки за голову!» – хрипит Капков, снимая пистолет с предохранителя.

Слышится злобное хихиканье, плечи здоровяка трясутся от смеха. Раздается чавкающий звук, и девушка вздрагивает, ее залитое кровью тело изгибается от очередной волны нестерпимой боли.

Она поворачивается и видит Семена.

«Помогите», – шепчут ее бескровные губы, и Капков стреляет садисту в голову. Пуля бесшумно проходит сквозь капюшон мужчины, словно тот соткан из тьмы.

Продолжая хихикать, монстр поворачивается. Следователь смотрит ему в лицо, но разглядеть не может. Лица будто нет.

«Я буду и дальше их убивать».

Капков холодеет – мерзкий хихикающий голос звучит у него в голове.

«Буду… дальше… убивать».

– Нет, – произнес Капков. – Я найду тебя, чертов ублюдок.

Он пьяно взглянул на пустую бутылку, валявшуюся на сиденье.

– Слышишь?! Я найду тебя!

«Тойота» стремительно набирала скорость, но накачавшийся алкоголем следователь едва ли отдавал себе в этом отчет.

– Ответишь… за все ответишь, – хрипло пообещал Капков, с силой вдавливая педаль газа в пол.

На перекрестке загорелся «красный», однако иномарка, игнорируя запрещающий сигнал светофора, пролетела мимо со скоростью ракеты.

– Я сам растерзаю тебя на клочья! – брызгая слюной, завопил Семен, окончательно потеряв связь с реальностью. Перед глазами что-то с треском взрывалось и вспыхивало, словно радужный фейерверк во время праздника, в ушах октава за октавой нарастал странный дребезжащий гул.

Он уже не контролировал управление машиной, и «Тойота» вылетела с проезжей части. Проломившись сквозь густой кустарник, исцарапанный ветками автомобиль с грохотом выскочил на параллельную трассу. Послышался громкий хлопок – лопнула одна из задних покрышек. Потерявшую равновесие машину тряхнуло, перевернув на крышу, и теперь она со скрежетом тащилась по асфальту, высекая снопы искр и постепенно замедляя скорость.

* * *

Катя молча стояла у окна, невидящим взглядом уставившись на дремлющую улицу. Ее распирали противоречивые чувства к родной сестре, и это вызывало раздражение, так как ей казалось, что после смерти родителей в их отношениях с Ларисой поставлена жирная точка.

Да и раньше они не особенно-то и ладили, если быть до конца честной. И все же…

Пока Катя размышляла, Лариса разливала чай по чашкам. В какой-то момент она зазевалась, и пара капель кипятка попали ей на руку. Она испуганно ойкнула и,

виновато глядя на Катю, начала дуть на обожженные пальцы.

Катя вздрогнула, взгляд ее прояснился. Вытянув перед собой правую кисть, она медленно сжала и разжала пальцы, чувствуя, как сотни невидимых иголочек покалывают кожу. Руку словно обдало шипящим жаром, и Катя инстинктивно дунула на пальцы.

«Я чувствую твою боль, сестренка, – с грустью подумала она, убирая руку. – Вот только ты вряд ли поверишь мне, если я скажу тебе об этом…»

Тем временем Лариса, деловито поискав глазами на полке, достала сахар и чайные ложки.

– Ой, Катюш, какая сейчас в деревне красота! – мечтательно сказала она, усаживаясь за стол. – Осень такая теплая в этом году. Воздух чистейший – спишь как младенец. Яблок столько – не с-с-обрать! Может, ты ко мне переедешь ненадолго? Не пожалеешь!

Катя покачала головой, скрестив руки на груди.

– Ты же знаешь, что я все это ненавижу, – нехотя выдавила она. – Комарье, грязь повсюду, умывальники на улице… Приспичит в туалет ночью – одевайся, как на парад…

– А речка! – словно не замечая скепсиса сестры, продолжала Лариса. – Чистая и прозрачная, до сих пор купаются!

– Заманиваешь? – с усмешкой спросила Катя.

Лариса перестала улыбаться.

– Да зачем? – тихо сказала она, кладя в чашку сахар. – Помогла бы мне. Да заодно и сама отдохнешь.

– Отдохнешь? – повторила Катя, и ее правое веко дернулось. – А ты чего, собственно, вообще приперлась, сестричка? Про деревенские красоты мне тут сладкие песни напеть?

Лариса растерялась, ее щеки покрылись пятнами.

– Я просто, – запинаясь, проговорила она. – Я… п-проведать тебя хотела, Катюш. Давно не виделись, соскучилась.

Катя с каменным лицом шагнула к висевшей на стене аптечке:

– А почему дверца открыта? Лар, ты что, рылась в моей аптечке, да?

Лариса выглядела окончательно сбитой с толку.

– Кать, да что ты…

– И на руки мои все косишься, – не дала ей договорить Катя. Она повернулась к сестре и, закатав рукава, сунула ей свои запястья чуть ли не под нос:

– На, смотри! Вопрос снят?!

– Кать, ну зачем ты, – пробормотала Лариса. Казалось, она уже совершенно забыла про остывающий чай. – Извини…

Уловив боковым зрением какое-то движение, Катя резко развернулась.

– Простите, Катенька, – откашлявшись, вежливо проговорил невесть откуда взявшийся Сан Саныч. – Я телевизор посмотрю тихонько?

– Иди отсюда, – прошипела Катя, и призрак послушно исчез.

– К-к-кать… – робко произнесла Лариса. – Послушай, Кать, может, з-з-завтра к Михнову съездим? Он хороший врач, говорят. Уверена, что поможет!

– Ага! – торжествующе воскликнула Катя, словно и ждала этого предложения. – Вот ты и проговорилась, дорогая сестричка! Теперь все ясно, могла бы с этого и начинать, а не про яблоки тут фигню всякую рассусоливать. Меня, значит, в дурку опять. А ты сюда, да? Порядок типа наводить. Да иди ты!

В кухню бесшумно заглянул Сан Саныч.

– Катенька, вы звук не прибавите? – спросил он, поправляя очки. – Пожалуйста, самую малость…

Скривившись, как от зубной боли, Катя схватила наполненную чашку и, не глядя, швырнула ее в призрака. Чашка, пролетев сквозь бесплотную фигуру и расплескивая еще теплый чай, со звоном разлетелась об стену. Сан Саныч печально вздохнул, вновь испарившись в воздухе.

Лариса вздрогнула, в глазах плескалась паника.

– Господи, да что с тобой?!

– У меня все отлично! – рявкнула Катя. – По крайней мере, было, пока ты не пришла!

– Ты сейчас в каком-то расстройстве, – как можно мягче проговорила Лариса. – Я же вижу.

– Ни хрена ты не видишь, – угрюмо ответила девушка. – Хоть бы раз… Хоть бы… Пришел кто-нибудь ко мне.

Помедлив, Катя добавила едва слышно:

– Кто мне так сильно нужен…

Лариса глубоко вздохнула. Она искренне пыталась понять чувства сестры, но сейчас все выходило за рамки, стремительно и неумолимо, как кипящее варево из котла, под которым разожгли слишком большой костер.

– Если ты опять чувствуешь свою вину за… – она на мгновение запнулась, словно споткнувшись об корень. – В общем, ты понимаешь. Тогда ты з-з-зря, Катюш. Твоей вины здесь нет. Жизнь, она…

– Что ж ты добрая-то такая, Ларис?! Скажи прямо: ты, Катя, пьяная скотина! Это из-за тебя погибли родители!

Потеряв остатки самообладания, Катя сорвалась на крик:

– Ты ведь это хотела сказать?!

– Нет, – вымученно ответила Лариса. Она сидела, сгорбившись, боясь поднять голову, но Катю было уже не остановить.

– Скажи! – крикнула она, продолжая распаляться. Пассивность и смиренное молчание сестры еще больше злили ее. – Наори на меня! Давай! Мол, это ты, Катя, чертова сука, родителей убила! Как будто бы в каждого по пуле выпустила! Это все из-за тебя! Все из-за тебя! Что же ты меня как тупым ножом режешь, сволочь?!

Лариса продолжала хранить молчание.

С губ Кати сорвался усталый вздох.

– Тогда уходи отсюда, – приказала она ничего не выражающим голосом.

Лариса ошарашенно посмотрела на сестру. У нее было такое выражение лица, словно Катя только что отвесила ей пощечину. Она выдавила жалкую улыбку.

– Кать, ты что? – забормотала Лариса. – Ночь на улице! Я ведь с тобой остаться х-х-хотела…

– Доберешься, ничего с тобой не случится, – сказала Катя тоном, не допускающим компромиссов. Видя, что сестра продолжает неподвижно сидеть, она прикрикнула:

– Вали давай!

Лариса медленно поднялась из-за стола.

– А ну-ка стой, – произнесла Катя. – Это что такое у тебя?

Щурясь, она пристально разглядывала красный шарфик, небрежно повязанный на шее сестры.

– Давай его сюда, – решила Катя.

– Зачем тебе? – окончательно растерялась Лариса.

– Отдай, я сказала. Мама его всегда мне давала, а не тебе, – сухо напомнила Катя. – Ты его просто стащила…

Глаза Ларисы возмущенно вспыхнули:

– Когда?! Ты с ума сошла, Кать?

Лицо Кати стало каменным.

– Как ты сказала? – тихо произнесла она. – Повтори.

Лариса с трудом сглотнула подкативший к горлу комок.

– Прости, Кать… Я не это имела в виду.

Она вытерла повлажневшие глаза и добавила дрогнувшим голосом:

– Все, я пошла.

Она двинулась к выходу, прихватив с вешалки плащ. Катя, помедлив, направилась следом, прямо в одной рубашке выйдя за сестрой на лестничную клетку.

– Ты считаешь меня сумасшедшей, да?! – в бессильном гневе крикнула она, и Лариса обернулась.

– Как все, да? – продолжала Катя. – Ты ничем от них не отличаешься, сестричка! Ты просто двуличная стерва! Верни шарф!

Лариса печально покачала головой.

– Прости, Катя… Но этот шарф ты п-п-получишь только через мой труп.

И прежде чем ее сестра успела что-то предпринять, девушка начала быстро спускаться по лестнице.

Шаркая ногами, словно больная старуха, Катя вошла в комнату, плюхнулась на кровать. Взяла липнувший к ладоням пульт, заляпанный на днях яблочным соком, включила маленький телевизор. На экране замелькали кадры ожесточенной погони с перестрелкой.

«Неужели тебе не жаль меня, родную сестру?» – тихо поинтересовался внутренний голос.

Катя поморщилась. У нее возникло странное ощущение, будто где-то под сердцем заворочался крошечный зверек, желающий вылезти наружу.

– Опять я виновата? – вслух усмехнулась Катя, щелкая каналы. Перестрелка сменилась постельной сценой, и она машинально продолжила «листать» программы.

«Тебе ведь на фиг сдался этот шарф, – не унимался голос. – Ты просто хотела сделать Ларисе побольнее… И у тебя это почти получилось».

Катя молчала, с отрешенным видом вдавливая кнопки пульта. Секс сменился музыкальным клипом, затем мультфильмами для категории «18+», потом кадрами дикой природы, и так снова по кругу…

Глаза девушки наливались тяжестью, голова опустилась на грудь, пульт выпал из разжатых пальцев. Спустя минуту Катя спала.

– Вот… Забирай его, – неожиданно раздался знакомый голос, и она лихорадочно вскинула голову, часто моргая. По телевизору шла реклама, и Катя, приподнявшись в постели, растерянно оглянулась.

В дверном проеме стояла Лариса. Лицо бледное и застывшее, словно восковая маска, глаза мерцали холодными льдинками. Тяжело и прерывисто дыша, она странно смотрела на проснувшуюся сестру.

– Ты… вернулась? – спросила Катя, отчасти понимая, что выглядит идиоткой. Ну конечно, Лариса вернулась, вон она, только руку протяни.

– Забирай, – холодно проговорила Лариса, и Катя озадаченно посмотрела на шарф, которым была замотана шея сестры.

«Что-то здесь не так».

Она села в постели, с тревогой глядя на мокрые растрепанные волосы Ларисы и ее заляпанный грязью плащ.

– Да мне уже по барабану, – неуверенно проговорила Катя, мысленно задавая себе вопрос, что могло случиться с Ларисой и что вообще сподвигло ее передумать насчет шарфа.

«Получишь… только через мой труп».

Эта фраза всплыла в ее сонном мозгу, словно пузырек воздуха на поверхность воды.

– В общем, спасибо, – тихо сказала она, начиная нервничать. Ей явно не нравилось оцепенелое и белое как бумага лицо Ларисы, ее тяжелый полубезумный взгляд.

– Эй? Ты в порядке? – позвала Катя.

«Конечно же, нет, – заворочался внутри проснувшийся зверек. – Она похожа на твоих назойливых приятелей вроде Василия… Разве ты не видишь?!»

Не меняя выражения лица, Лариса принялась медленно разматывать шарф.

Катя потерла глаза. Ей показалось, или?!

На мелькающей ленте шарфа мерцали странные узоры, и они…

«Они живые», – в каком-то ступоре подумала Катя, не отрывая завороженного взора от шарфа. Он все разматывался и разматывался, с тихим шелестом сменялись рисунки, одни за другими, словно картежные карты, наслаиваясь друг на друга.

«Почему он такой длинный?!»

Эта мысль раненой птицей забилась в сознании Кати.

Она встала с кровати, но приблизиться к Ларисе не решалась.

– Забирай, – хрипло потребовала сестра. Пугающие картинки постепенно уменьшались, сливаясь в какой-то замысловатый узор.

«Сейчас шарф закончится, а под ним будет поросший мхом скелет», – внезапно подумала Катя, и ее сковал ледяной страх.

– За… – начала Лариса, но закончить не успела. Шарф, словно живой, вырвался из рук девушки, сдавливая ее шею. Узорчатая длинная лента судорожно сдвигалась и расправлялась, словно гигантская змея.

Лицо Ларисы из бледного стало лиловым, изо рта вывалился язык, смахивая на пиявку, насосавшуюся крови. Налившиеся кровью глаза вылезли из орбит.

– А-а-а-а-а… – захрипела она в тщетной попытке избавиться от кошмарной твари. Потеряв равновесие, девушка подалась вперед, задев Катю, и сестры, не удержавшись на ногах, рухнули на пол.

Парализованная страхом Катя все же попыталась подняться, но ее рука неожиданно коснулась извивающейся ленты шарфа. «Оно» было холодным и скользким, словно брюхо дохлой рыбы, и девушка закричала, отпрянув.

Только сейчас Катя ощутила, что пол под ногами почему-то стал влажным и липким, и от него резко несло металлическими стружками. Катя отползла к

кровати, в ужасе глядя на свои ладони. Казалось, их окунули в ведро с алой краской.

«Кровь», – застучало в мозгу.

Узорчатая тварь, подрагивая и колыхаясь, медленно поднялась вверх, напоминая огромного питона. Лариса, хрипя и елозя в луже крови, все еще пыталась предпринять слабые попытки освободиться от петли. Шарф вздрогнул, как живой, и девушку начало волочить, разбрызгивая вокруг кровь.

Катя завизжала, размазывая алые капли по перекошенному от ужаса лицу.

– Нет! Нет, Ла…

Сверкнула яркая вспышка, и ее вопль утонул в оглушительном грохоте – взорвался телевизор. Осколки экрана разлетелись смертоносной шрапнелью, один из которых чиркнул по предплечью Кати, оставив едва заметную царапинку.

Словно путь в неведомую бездну, с треском распахнулась дверь. Из проема повалил едкий, выедающий глаза дым. Из «нутра» твари слышались душераздирающие вопли и злобный смех, вспыхивали багровые искры, в комнату толчками начали вливаться свежие потоки крови, в которых белели ошметки плоти. Шарф дернулся, словно получив негласную команду, и резко потащил Ларису в визжаще-хохочущую тьму.

– Нет! – срывая голосовые связки, закричала Катя. Она на коленях поползла к сестре, ухватившись за щиколотку, но ее резко встряхнуло, словно котенка, и поволокло вместе с Ларисой. Будто какая-то неведомая, демоническая сила неумолимо тянула сестер прямо в ад.

Глаза нещадно выжигала гарь, уши закладывало от пронзительных криков и безумного хохота, но Катя упорно держалась за ногу сестры. Внезапно по телу широкой волной пробежал стылый озноб, и она хрипло закричала. Пальцы держали вязкую пустоту, никакой Ларисы рядом не было.

Зловонный дым рассеялся, и, как только Катя обрела способность видеть, с грохотом захлопнулась дверь.

– Нет, – неверяще прошептала она, с трудом поднимаясь. Поскальзываясь босыми ногами по залитому кровью полу, Катя проковыляла к двери и потянула ручку на себя.

Дверь не шелохнулась, как если бы была наглухо заколочена толстыми гвоздями.

– Лариса, – дрожащим голосом позвала Катя. Она снова и снова дергала на себя дверь, до тех пор пока в плече не начало стрелять рваной болью. Но девушка не обращала на это внимания, исступленно крича и дергая неподдающуюся, словно вросшую в пол дверь.

Из глаз девушки хлынули слезы отчаяния.

– Прости, сестричка, – всхлипывая, сказала она. – Про…

Она вздрогнула, непонимающе смотря перед собой. Сумерки отступили, пол был совершенно сухим. Катя повернулась, с изумлением глядя на телевизор, который минуту назад разлетелся вдребезги.

Она потерла глаза и, вздохнув, потянула за ручку. Дверь послушно открылась. Только сейчас Катя услышала, как кто-то настойчиво звонит в квартиру.

Щелкнув замком, она в недоумении уставилась на ранних гостей. Перед ней стояли следователь Морозов и рыжеволосый оперативник, который был вчера вечером на комбинате. Чуть дальше маячила пожилая соседка, с нескрываемым любопытством выглядывая из-за спин мужчин.

– Вы что здесь делаете? – наконец спросила Катя.

Антон смерил девушку цепким внимательным взглядом.

– Пиццу привезли, – обронил он. Видя, что шутка не сработала и Катя продолжает с тревогой смотреть на него, Морозов нехотя пояснил:

– Нас соседи вызвали, жалобы на вас, гражданка Калужских. Можно войти?

Катя молча посторонилась, впуская мужчин внутрь.

* * *

Дежурный полицейский остановился возле камеры, гремя ключами.

– Как он? – отрывисто спросил стоявший рядом Павел Лактин, невысокий мужчина лет сорока пяти, облаченный в форму Следственного комитета. На погонах поблескивали подполковничьи звезды.

– Жив, – отозвался дежурный, отпирая тяжелую стальную дверь. – Повезло. Можно сказать, в рубашке родился.

Многозначительно хмыкнув, подполковник вошел внутрь.

Капков, лежащий на нарах с поджатыми ногами, приоткрыл глаза и чихнул.

– Будь здоров, – хмуро произнес Лактин.

– И вам не хворать, – откликнулся следователь и, зевнув, сел.

– Ты что творишь, Капков? – процедил подполковник. Он говорил спокойно и ровно, но даже слепой мог уловить волны глухого бешенства, исходящие от мужчины. – Со смертью в догонялки решил поиграть?!

Капков пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandr-vargo/provodnik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити